

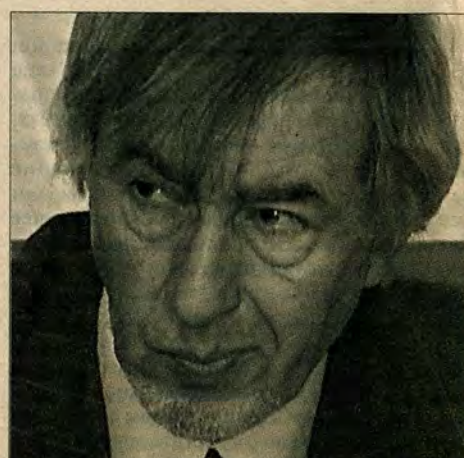
Сегодняшней публикацией мы завершаем воссоздание собирательного портрета российского гражданина вместе с ведущими социологами из Левада-центра: директором центра Львом ГУДКОВЫМ, заведующим отделом социально-политических исследований Борисом ДУБИНЫМ и заведующим отделом социально-культурных исследований Алексеем ЛЕВИНСОНОМ. Первый сеанс реконструкции образа среднего россиянина состоялся в № 23 «Новой газеты» за 2008 год («Адаптация к репрессивному государству»). Второй — в № 40 («Реформы или стабильность»). Третий — в № 46 («Вертикальная мобильность»). Четвертый — в № 60 («Свой-чужой»). Пятый — в № 63 («Ксенофобия»).

Лев Гудков

Борис Дубин

Алексей Левинсон

Фоторобот российского обывателя

История — утешительница жизни

«Пургенизация» памяти

Лев Гудков: Массовое историческое сознание российского общества меньше всего похоже на объективный рассказ о происходящем, на некое документальное кино с точки зрения Господа Бога. Идея последовательной и систематической истории — это утопия профессиональных историков. Массовое сознание устроено иначе. Его можно представить (по аналогии с речью) как состоящее из многих диалогов: чем больше участников, тем больше разных представлений, они по-разному структурируются и обладают разной глубиной. Лучшее у нас структурировано «официальной историей», которая подкреплена и задана соответствующими институтами, прежде всего средней и высшей школой, а также пропагандой и определенным сорта кино и литературой, тяготеющими к школьному пониманию истории, а кроме них — армией и СМИ. Есть еще и обрывочные личные истории, которые так или иначе соотносятся с официальной историей, в чем-то ей противоречат. Но если в публичном пространстве есть лишь один-единственный разрешенный субъект исторического «вспоминания», получается убогая официальная конструкция — очень жесткая и цензурированная.

Все авторитарные режимы (в отличие от тоталитарных), в том числе и российский, для своего узаконения апеллируют не к будущему, а к традиции или к изобретаемой традиции — то есть к псевдотрадиции. При этом очень важно, что выдвигается на первый план, а что опускается. Как сказал один из идеологических холуев нынешней власти, «должно быть счастливое забвение прошлого». То есть надо с радостью забывать то, что нам неприятно, и то, что не укладывается в государственную идеологическую конструкцию. Получается своего рода «пургенизация» памяти — сознательное ее очищение. Массовое сознание без специальных средств и институтов, удерживающих память, очень неглубоко, оно чрезвычайно быстро все забывает. Если говорить о недавнем прошлом, то спустя уже несколько лет люди не помнят, что в действительности было, и начинают реконструировать прошлое по модели коллективных мифов и стереотипов. Скажем, о кризисе августа 1998

года, хотя прошло лишь 10 лет (уж не говоря о событиях 1993 г., 1991 г., о перестройке), многие люди, судя по опросам, уже мало что помнят. Если же мы возьмем совсем недавнее классическое советское прошлое, то это почти полностью сфера коллективной мифологии.

Алексей Левинсон: Глубина нашего исторического сознания очень невелика. У нас есть исследования, которые показывают, что люди знают Петра Великого, немного знают Ивана Грозного, а еще что-то слышали об Александре Невском — и все. Но при этом в обществе широко распространено убеждение, что Русь существует с незапамятных и доисторических времен, что наша история чуть ли не древнее, чем история всех на свете. И таким образом нынешнее постимперское тело возводит себя к чему-то бесконечно далекому, о чем ни памяти, ни материальных следов нет. Поэтому мы имеем дело, с одной стороны, с историческим сознанием очень бедным, с другой — ощущающим необычайное историческое богатство за спиной.

Вообще в российском обществе фактически нет никакого другого исторического сознания, кроме навязываемого государством. Вот в армянском или польском обществе есть сознание собственной истории — пусть это даже исторический миф, но миф с событиями, с эпохами, с датами, что отличается от размытого представления, что «мы — самые древние и великие». Оно базируется на преданиях, которые существуют в семье, в других институтах, кроме государственных. Память о геноциде передается сама, а не потому, что об этом напоминает государство. И я бы считал, что особенность современного состояния российского исторического сознания состоит в том, что без государственного механизма воспроизводства этого сознания не было бы вовсе. Если, конечно, включить в понятие «государство» федеральные каналы телевидения.

История общества или история государства?

Лев Гудков: История такова, какова структура общества. Чем многообразнее общество, тем больше историй: местных, локальных, групповых, институциональных, каких хотите.

«Как сказал один из идеологических холуев
нынешней власти, «должно быть счастливое
забвение прошлого»»

У нас организующим началом истории явилась власть, и вся история наша — это «история государства Российского». Общество здесь — производное. Если говорить о массовом историческом сознании, то оно сосредоточено вокруг ключевых точек легенды власти — основного сюжета советской истории. Главные события — это Великая Отечественная война, полет в космос и Октябрьская революция. Иногда еще упоминается Первая мировая война — а все остальное уходит в мифологическое пространство.

Миф задает сюжетку истории, организует ее. В целом национальная история предстает как постоянные испытания, борьба, жертвы, постоянное противостояние врагам. А потому весь пантеон истории мифологически героичен. Он в высшей степени персонализирован и выстроен как цепь мифологических испытаний героя, вождя, отца. Такая история нерациональна, она не имеет отношения ни к истории городов, ни к истории сообществ — это история коллективного целого.

Борис Дубин: В строгом смысле слова — это, наверное, не история, потому что в ней нет фигуры ответственного человека, отвечающего за то, что он делает, причем вместе с другими, а значит, доверяя им, сотрудничая с ними. А перед нами скорее призраки величия державы в ситуации, когда ясно, что державы нет и ее вряд ли можно вернуть. И тут начинаются противоречия. Да, конечно, миф. Но, скажем, в Польше миф был сконструирован и проработан. Например, миф о предках — возьмем хотя бы «Дзяды» Мицкевича. Второе — в Польше нет имперского комплекса. Поэтому ее история — это история народа, общества, аристократии, городов, окраин, столицы и прежде всего борьбы за свободу. У нас при мифологическом сознании миф не сконструирован. С другой стороны, у нас есть имперский комплекс, но это очень странная империя — изолированная и изоляционистская держава, как бы выделенная из всего мира и не имеющая

к нему отношения. Поэтому нет никаких путей от нашей истории к каким-то другим историям. И когда мы спрашиваем о великих людях всех времен и народов, о величайших событиях всемирной истории, мы получаем нашу же отечественную историю двух последних веков в ее государственно-представительских фигурах. Причем все иные — это исключительно «супостаты», которые покушаются на наше целое, с которыми идет постоянная борьба, а не партнеры, не представители непонятного, но этим и интересного иного мира.

Кроме официальной истории, идущей через СМИ, через учебники, какая еще память есть сегодня в России? Есть память краеведческих музеев, но в эти музеи почти никто не ходит, кроме привозимых туда гостей. Есть память мемориалов, которые, как археологи, восстанавливают прошлое частичку за частичкой, составляют списки. И есть семейная память, передаваемая от родителей к детям. Но что реально она может? Например, память о репрессиях 30–50-х годов передается примерно в четверти опрошенных семей. А уже такие события, как вторжение советских войск в 1968 г. в Чехословакию, таким образом не передаются — помнящих об этом всего 3%. Ситуация с нашими 90-ми годами еще хуже. Люди совершенно не могут вспомнить суть этих событий. Вместо активизации памяти человека, участвовавшего в истории, получается, что его как бы водят по музею по заданной методической разработке. Или показывают фильмы типа «Либели империи», который вроде бы о Византии, а на самом деле о «современности», о державной «проблеме преемника». И как только эти рассказы садятся на основные точки, структурирующие эту массовую историю (враг, победа, испытания, мы — великая держава в кольце врагов), возникает что-то вроде исторической памяти — хотя таковой она не является. Это конструирование государственной версии о величии державы

Петр Саруханов — «Новая»

« Три четверти опрошенных говорят, что путинское время принесло только положительное — такой согласованной оценки нет ни по одному историческому периоду »

Герои массового сознания

Борис Дубин: Несколько слов об отношении населения России к социалистическому прошлому. При том, что «герой» и великий политический деятель — это Сталин, а Брежнев — не герой и как политик расценивается достаточно низко, брежневская эпоха — это «золотой век». Конструкция истории прошлого века такова: сначала страшные испытания 30-х годов и Великой Отечественной войны, затем фактическое отсутствие в общественном восприятии хрущевского периода (непонятно, на какие значимые точки опираться, XX съезд почти ушел из общественного сознания), зато брежневское время — это, как я уже сказал, «золотой век», после которого наступает «черная полоса» перестройки и 90-х годов. А теперь снова все налаживается.

Лев Гудков: С 2003 года в десятку значимых исторических фигур начал входить Путин, а сегодня он уже в пятерке.

Борис Дубин: Одновременно постепенно уходит Ленин, поднимается Пушкин, поднимается Сталин. А из новичков укоренился только Путин, и путинское время трактуется как принесшее много хорошего (тем более — по сравнению с предшествующим). Три четверти опрошенных говорят, что путинское время принесло только положительное — такой оценки прошлого развернуто из нынешнего дня, из высокой оценки нынешней власти. И тогда предыдущее время — это те испытания, которые мы не хотим помнить и стараемся вытеснить из сознания. А до него — беззубая власть, которая нас не особенно кусала и не ссылала в лагеря и при которой было относительно спокойствие и благополучие (в отличие от предшествовавшего периода потрясений и репрессий). Среди деятелей XX века вспоминают позитивно не тех, кто что-то реформировал, а тех, что «успокоили». А Петра Великого вспоминают не как деятеля, проводившего модернизацию и модернизацию государства, а как победителя в Северной войне и основателя империи.

Причем держатся в памяти и продолжают сохранять свою значимость фигуры, в которых есть «загадочные» для массового сознания внутренние противоречия. Например, в оценке Сталина доминируют две основные характеристики: «Что бы о нем ни говорили, но именно с ним мы победили в Великой Отечественной войне» и «Мы еще не знаем всей правды о Сталине». Те же двойственность и загадочность интригуют и в образе Петра. А в отношении Ленина этого уже нет, борьба за него велась где-то в период «оттепели» и после нее (скажем, Ленин Шатрова против Ленина Солженицына), но теперь для населения это потеряло свою значимость.

Лев Гудков: Видимо, для людей важно отделение такого загадочного, инфернального «героя-злодея» от массы. Он становится носителем сверхчеловеческих качеств, которые выдают его исключительность. Чрезвычайные обстоятельства требуют нечеловеческих усилий и способностей, а также санкционируют насилие и преступления власти.

Борис Дубин: Если у населения и большинства его групп главная жизненная установка — это адаптация, то другой картины истории, видимо, и быть не может. Она будет героической (и в этом смысле компенсировать нам все сегодняшние испытания). Она будет развешана, как мундиры и ордена, на фигурки вождей, не соизмеримых по своему масштабу с обычными людьми, вождей, которым передоверена вся ответственность за судьбы страны и которые неподвластны человеческой оценке. Доминирующей картиной истории будет история государственного насилия как исторической необходимости для создания «Великого целого».

Подготовил
Андрей ЛИПСКИЙ

через фигуры воплощающих ее людей и через образы событий, рассказывающих, как эта держава строилась и распадалась.

Общественное сознание не просто охотно идет за версиями истории, навязываемыми властными структурами, а у него просто нет другой сколько-нибудь влиятельной версии (разработки историков-специалистов, блестящие и глубокие, есть, а публичных версий нет). Нет другой рамки для воссоздания себя как целого, кроме имперско-державной. Посмотрите на список выдающихся людей, называемых респондентами. Там никогда не будет изобретателя, человека, строящего дороги, дома и мосты, создателя жизненно важных лекарств, врача, филантропа, инженера, выдающегося священника, там не будет Пирогова, Третьякова, Тимирязева, доктора Газа. Зато там будут Ленин, Сталин, Жуков, Петр Первый. А также люди из учебника — Пушкин, Менделеев, то есть те, кто был назначен главным в литературе и науке.

Лев Гудков: Скажем, американцы проводят такие же опросы о наиболее значимых событиях истории и значимых исторических фигурах. Но у них на первые места выходят изобретение электричества, лично Эдисон, изобретение автомобиля, Мартин Лютер Кинг. То есть это события и люди, связанные либо с техническим, либо с гуманитарным прогрессом, с борьбой за права человека. Либо государственные деятели, но не как символы «целого», а как персоны, выражавшие определенную политику в ключевые моменты развития общества. Например, Линкольн как президент, при котором было покончено с рабством, деятели, подготовившие Декларацию прав человека, и т.п.

Алексей Левинсон: Хотел бы добавить пару слов о Пушкине. В наших опросах его называют чаще, чем всех остальных деятелей русской культуры вместе взятых. Он стоит там, где стоят государственные деятели. В последние десять лет он постоянно меняется местами с Лениным и Петром Великим — это своего рода трехлопастный пропеллер. Присутствие Пушкина в этой тройке лидеров крайне важно. В истории воителей и царей присутствие фигуры, которая безусловно «не они», дополняет эту историю, делает ее приемлемой для тех, кого при всей условности этого термина можно назвать «нормальными людьми». И это помогает поднять себя в собственных глазах: культурный символ поднят на такую высоту!

Цепь страданий и побед

Лев Гудков: Если посмотреть на содержание главных событий по нашим опросам, то прошлое в массовом сознании видится непрерывной цепью бедствий и испытаний. Как в Библии — «войны, глад и мор». В коллективное самосознание образ народа вошел исключительно в качестве мирного, кроткого, терпеливого страдальца, существование которого подвергается самым разным внутренним опасностям и внешним угрозам. Спасение и превращение страны в одну из самых мощных держав возможно лишь благодаря сильной и целеустремленной власти, объединяющей и направляющей аморфную и пассивную массу населения. Соответственно, дидактическая конструкция истории задана мифологией героической жертвы, подвига индивидов, жертвующих собой ради сохранения всего целого, символизируемого фигурами высшей власти. Структура и семантика «жертвы» снимает всякую ответственность с реальной власти, делает нелепым сам вопрос о практической оценке ее действий. А любая другая точка зрения на прошлое — с позиции отдельного человека, каких-то отдельных групп населения — стерилизуется и настраивается. Смысл этого — исключение отдельной личности, низведение ее до функции власти и государства, не имеющей самостоятельной ценности. Частный человек в этой картинке отсутствует, он лишь материал, лишь ресурс.

Алексей Левинсон: История может преподноситься как цепь трагедий и несчастий или, если эту конструкцию перевернуть, то как цепь триумфов и побед, одержанных при решающей роли спасительницы-власти.

Лев Гудков: Итак, пройдемся по главным событиям официальной версии истории, усвоенной обществом. Это татаро-монгольское нашествие, причем в мифологической версии. Там нет

идеи о том, что Россия стала преемницей Орды с точки зрения государственного устройства, зато есть мотив, что Россия спасла Европу от татаро-монгольского нашествия (кстати, идея жертвы во имя остального мира крайне важна в этой конструкции). Затем идет Смута и отражение польско-литовской агрессии. Затем очень важное по значимости нашествие французов в 1812 г., осмысление которого положило начало русской национальной культуре. И, наконец, самое главное испытание — Великая Отечественная война. Тем самым в пантеон значимых фигур истории включаются фигуры, которые не обязательно должны бы там быть — Наполеон и Гитлер, которые являются единственными иностранцами, включаемыми российскими гражданами в первую десятку исторически значимых фигур. Они являются опорными антигероями национального самосознания русских.

Алексей Левинсон: Кроме истории есть география — география наших сегодняшних друзей и недругов. Уже который год опросы показывают, что есть две державы в мире, с которыми, по мнению россиян, у нас самые лучшие отношения. Это Германия и Япония. Почему они? Это две страны, над которыми в еще живой исторической памяти одержаны военные победы. А далее идет Франция, над которой была одержана победа в начале XIX века. Оказывается, мы любим, причем вполне искренне, тех, кого мы победили. Поэтому в пантеоне героев оказываются и Кутузов, который бил наполеоновских французов, и сам Наполеон, и Жуков со Сталиным, и Гитлер.

Лев Гудков: В официальной версии истории есть такой важный элемент, как апология насилия. Сама по себе конструкция непрерывных испытаний и их преодолений вводит нормального, через мифологию как чего-то жен пройти любой человек. Таким образом, всякое насилие — несправедливость, произвол, грабеж, репрессии, беззаконие — все это становится условием «естественности» человеческого бытия. Но если насилие — это норма, если это неизбежная часть общественно-исторического устройства, то оно воспринимается как естественное средство подавления любого сопротивления, любого несогласия.

Вытеснение неприятного

Лев Гудков: Такого рода военная конструкция сознания позволяет вытеснить все нежелательные события истории. Репрессии, коллективизация, голод, ГУЛАГ — нельзя сказать, что люди о них не помнят, но о них не хотят говорить. Во времена перестройки эти темы были третьими по значимости в опросах, касающихся исторических событий. Сегодня они не входят и в десятку и продолжают постепенно уходить. При этом симметрично поднимается место Сталина как значимой политической фигуры. Когда мы задаем вопросы о репрессиях, о коллективизации, люди в растерянности. Они не могут сформулировать свою позицию. Преступление? Да. Надо ли говорить об этом? Лучше забыть. Надо ли наказывать виновных? Ни в коем случае — нет смысла возвращаться к этому. Это значит, что травмирующие память вопросы остаются без ответа, поскольку нет таких авторитетных в моральном плане групп, которые могли бы рационализировать прошлое.

Борис Дубин: В нашем случае история — это не «учительница жизни», как у Геродота, а утешительница. История — это то, что нам льстит. Нынешние историки, обслуживающие власть, считают народ таким ребенком. Мол, вы что — хотите, чтобы люди постоянно мучились из-за того, что их родители совершали в прошлом преступления? Чтобы они не могли разобраться, кто прав, а кто виноват? История должна утешать и воспитывать на положительных примерах. А по-

« Среди деятелей XX века вспоминают позитивно не тех, кто что-то реформировал, а тех, что «успокоили» »